

«ქართველობის გიგანტები»

(3)

თამაზ გამყრელიძე

**რჩეული
ქართველობის გიგანტები
მროვანი**



თბილისი ენივერსიტეტის გამომცემლა

სელენ-საა რობერტის სახელობის თბილისი სახელმწიფო
კედაგრძილები ენივერსიტეტის გამომცემლა

თბილისი

2000

«КАРТВЕЛОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»
«KARTVELOLOGICAL LIBRARY»

T. V. Гамкрелидзе

**Избранные Работы
по
Картвелологии**



Thomas V. Gamkrelidze

**Selected Writings
in
Kartvelology**

**Тбилиси. Tbilisi
2000**



Г. А. Климов

Т. В. Гамкрелидзе и картвельское языкознание*

Имя Тамаза Валериановича Гамкрелидзе вошло в картвелистику в тот период, когда в ее развитии отчетливо обозначилась своего рода кризисная ситуация, предвещавшая необходимость обновления научной традиции. Господствовавшая в лингвистическом кавказоведении научная парадигма уже явно исчерпала к тому времени свои возможности и ограничивалась выработкой более или менее мелких уточнений к тем положениям, которые в своей основе были сформулированы еще в 30-40-ые годы. Наиболее ярко такая ситуация заявляла о себе в сравнительно-историческом изучении картвельских языков, где определенной популярностью пользовался целый ряд как методически неоправданных предубеждений, так и недостоверно конкретных положений.

Для иллюстрации уровня методической вооруженности целого ряда публикаций того времени можно, например, сослаться на распространенное тогда у исследователей пререлятистические – как их метко охарактеризовал Г. В. Церетели – представления об особой сложности фонологических корреспонденций (вплоть до иногда встречавшейся констатации их нерегулярности) в кавказских языках, будто бы не подчиняющихся закономерности соотношений, подобной ранее выявленной на материале индоевропейских и многих других языков, и поэтому якобы способных внести существенные корректизы в сравнительно-исторический метод. Напомним здесь же всерьез адресовавшиеся исследовательской практике Н. Я. Марра упреки в том, что строившиеся им архетипы являются предположениями под астерисками, а не реальными языковыми фактами. С другой стороны, определенную поддержку получали прием трехэлементного анализа именных основ (сводившийся обычно к их историческому членению на классный префикс, корень и

* დაიბეჭდია კრებულში: "Историческая Лингвистика и Типология", Москва: "Наука", 1991:115-123.

суффикс-детерминант) и тезис о смешанном характере сванского языка, представлявшегося некоторым агрегатом, лишенным собственного генетического стержня и построенным как из иных картвельских, т. е. грузинского и занских, так и абхазско-адыгских структурных и материальных компонентов.

Заинтересовавшись первоначально рядом конкретных вопросов сравнительно-исторической фонетики картвельских языков, Т. В. Гамкрелидзе вскоре сконцентрировал свое внимание на решении фундаментальных проблем картвельского языкознания. Последовавшая серия его работ, отдельные из которых были созданы в творческом содружестве с Г. И. Мачавариани и Т. Е. Гудава, за короткий срок кардинально преобразила весь облик картвелистики, превратившейся в одну из быстро прогрессирующих отраслей современного сравнительно-исторического языкознания.

Было бы, однако, несправедливым ограничивать вклад ученого в картвелистику компаративистическим аспектом. Его труды охватывают широкий спектр актуальной для этой науки проблематики. Достаточно упомянуть здесь такие сферы приложения его усилий, как внедрение современных методов лингвистического исследования в картвельское языкознание, синхронный анализ фонологической и морфологической структур конкретных языков, проблема генетических взаимоотношений картвельских и севернокавказских языков, древнейшие ареальные контакты картвельских и индоевропейских языков, происхождение грузинской письменности.

Картвелистические труды Т. В. Гамкрелидзе содержат немало весьма инструктивных образцов диахронического исследования, выполненных с позиций структурно-функционального подхода к материалу. В частности, широким использованием методов современной компаративистики характеризуются его работы по сравнительной грамматике картвельских языков. Так, например, с его именем связано утверждение в картвелистике понятия праязыковой модели как необходимого конструкта, строящегося лингвистом с целью проникновения в историю родственных языков. В отличие от популярных в науке прошлого идей о большой роли в формировании картвельской языковой семьи конвергентных процессов, результировавших, как нередко представлялось, в интенсивных межъязыковых заимствованиях, в обильных субстратных отложениях и даже в языковом смешении, он подчеркивает здесь определяющую роль дивергентного начала. В качестве важнейшего кrite-

рия особой генетической близости языков автор этих работ пропагандирует принцип совместных инноваций, откуда логически следует принципиальное принятие им выдвинутой впервые Г. Деетерсом схемы филиации картвельских языков, согласно которой обосновление сохранившего множества архаизмов сванского языка должно было значительно предшествовать во времени внутренней дифференциации грузинско-занского состояния. Свою практическую реализацию получил в трудах Т. В. Гамкрелидзе тезис о необходимости верификации строящихся компаративистом архетипов данными лингвистической типологии. Впервые в картвелистике определенная роль в развитии грамматического строя стала здесь отводиться процессам парадигматического выравнивания форм.

Одну из особенно ярких черт сравнительно-исторических исследований Т. В. Гамкрелидзе в области картвельских языков составляет, на наш взгляд, его неизменное внимание к релятивной хронологии явлений, столь часто недооценивавшейся в науке предшествовавшего периода, когда значительная совокупность явлений и процессов (например, реконструировавшиеся тогда недифференцированность имени и глагола, функционирование „классных показателей“, полногласие в фонологической структуре основ и т. п.) проецировалась в некоторое нерасчлененное состояние прошлого. Между тем, как напоминает ученый, такое „равнодушие к вопросам относительной хронологии и к разграничению хронологических уровней в развитии языка приводит, как известно, к языковым построениям, лишенным исторической перспективы“ [1, с. 28]. В его картвелистических работах реализация требования соблюдения временной перспективы исследования находит свое выражение и в различии здесь двух эпох – некоторой более ранней, с одной стороны, и наиболее поздней, с другой, – в истории общекартвельского языкового состояния, в разграничении двух последовательных ступеней в эволюции занского вокализма, в противопоставлении так называемого пресванского и собственно сванского состояний, во взаимном обосновании первичных и вторичных моделей аблauta в сванском языке и во многом другом.

Должно быть понятным поэтому специальное обращение Т. В. Гамкрелидзе в одной из его работ к проблеме соотношения последовательности „правил переписывания“, как они сложились в генеративной грамматике, и относительной хронологии фонетических процессов в истории языка. На примере рассмотрения процессов дезаффрикатизации

пресванских фонем **ʒ***č* и **č* и ассибиляции сванских взрывных *g*, *k* и *k'* автор заключает, что „существует некое соотношение между порядком (последовательностью) „правил переписывания“, описывающих некоторые фонемные преобразования, и релятивной хронологией соответствующих фонемных изменений, имевших место в фонологической системе рассматриваемого языка (т. е. с порядком следования этих изменений во времени). „Правила переписывания“, расположенные в определенном порядке с учетом простоты и экономичности описания рассматриваемых процессов, отражают порядок следования во времени диахронических фонемных преобразований“ [2, с. 39].

Наиболее важным результатом картвелистических исследований Т. В. Гамкрелидзе, несомненно, является реконструкция им общекартвельских фонологической системы и морфонологических чередований, выполненная в соавторстве с Г. И. Мачавариани на базе детального анализа звуковых соотношений, засвидетельствованных между грузинским, обоими занскими (мегрельским и лазским) и сванским языками ([3]; см. также [4]). С одной стороны, здесь восстановлен инвентарь пражзыковой фонологической системы, в котором наряду с вокалическими и консонантными фонемами теперь постулируется особый класс сонантов. С другой стороны, были впервые выявлены основные закономерности фонологической синтагматики и моррофонологических чередований пракартвельского.

В фонологической системе рассматриваемого состояния реконструированы три кратких гласных фонемы (*a*, *e*, и *o*, из которых *a* и *o* как будто обнаруживают следы свободного варьирования) и три долгих (*ā*, *ē*, *ō*). Помимо сванских диалектов на былые квантитативные различия указывает и специфика некоторых грузинско-занских звукосоответствий в вокализме. Вместе с тем здесь восстанавливается класс сонантических фонем (в составе *w*, *j*, *l*, *r*, *m*, и *n*), которые должны были располагать как слоговыми, так и неслоговыми аллофонами, по-разному отраженными в исторически засвидетельствованных картвельских языках.

В то же время здесь была установлена каноническая модель фонологической структуры картвельского корня (прежде всего – глагольного) в виде последовательности *CVC*, где позицию *C* могли занимать не только согласные, но и неслоговые аллофоны сонантов, группы типа *Cw* и даже так называемые гармонические комплексы согласных, а позицию *V* – преимущественно гласный *e*. В этой работе впервые в картвельском языкознании была обоснована пражзыковая древность аблautных чере-

дований в корне с различием прежде всего полной и нулевой ступеней его огласовки, а также ступеней редукции и растяжения.

Основные линии последующей трансформации реконструируемой системы сводятся к постепенному ослаблению количественного противопоставления в вокализме, к утрате сонантов, к разрушению первоначальной схемы морфонологических чередований, а также к параллельному усилению в грамматическом строе роли аффиксов. Благодаря последним двум процессам картвельская языковая система со временем все более сближается с языками агглютинативного строя, располагающими стабильным составом морфологической структуры слова (что достигает своего максимального отражения в мегрельском и лазском). Здесь уже устанавливается решающая роль показаний древнегрузинского языка для реконструкции в основных чертах общекартвельских аблautных моделей.

Характеризуя значимость для науки этой масштабной работы, Г. В. Церетели имел все основания писать, что „она по существу создает основу и представляет собой этап в диахроническом картвельском языкознании. Думается, что вся дальнейшая работа в данной области пойдет по этому пути“ [5, с. 051].

Картина пракартвельского состояния и истории его преобразования в дочерних языках дополняет ранее изученная Т. В. Гамкелидзе система наличных в них сибилиантных соответствий, обозначившая по существу первый шаг к предпринятому позднее пересмотру традиционно принимавшейся в науке схемы звукосоответствий [6]. Исходя из очевидной неоднозначности рефлексов общекартвельской шипящей фонемы *š (> груз. ბ) в занском и сванском ареалах в виде сочетаний ūk (сван. ūg) и sk (сван. sg), автор вскрыл посредством детального дистрибутивного анализа материала комбинаторную обусловленность свистящего рефлекса второго комплекса позиций перед w, известную в некоторых картвелистических публикациях как „закон Гамкелидзе“ (в дальнейшем – опять-таки позиционными условиями – удалось удовлетворительно объяснить и отдельные исключения из этой закономерности).

Следует отметить ряд интересных наблюдений Т. В. Гамкелидзе и в области сравнительно-исторической морфологии картвельских языков. Так, им сформулировано положение об исконном префиксальном моноперсонализме (одноличности) грузинского глагола, с позиций которого рассматривается древнейший облик личных показателей (в частности, субъективный показатель 1 лица восстанавливается им в виде *xw-) [7, с. 44-50]. В связи с обсуждав-

шейся в другой его работе специальной фонологической проблематикой автор реконструирует древнейшую словообразовательную структуру общекартвельских личных и притяжательных местоимений 1 и 2 лица, а также трактует противопоставление инклузива ~ эксклюзива как одну из проекций глубинного бинаризма картвельской языковой системы прошлого [6, с. 36-50].

Давая общую оценку работам Т. В. Гамкрелидзе в области сравнительной грамматики картвельских языков, необходимо подчеркнуть, что они стимулируют научный поиск не только в сфере последней, но и далеко за ее пределами. Как показывает практика, они имеют немаловажное значение для дальнейшего прогресса этимологических штудий. Например, учет аблautных отношений позволяет теперь идентифицировать основы, представлявшиеся ранее несвязанными, а установление основных моделей фонологической структуры картвельского корня сообщает исследованию дополнительные ориентиры в разграничении исконного и неисконного материала. Еще существеннее то обстоятельство, что эти работы имеют вполне определенные выходы как в типологическую, так и в ареальную проблематику кавказоведения.

Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что с выявлением в этих работах стабильной тенденции к элиминации структурных признаков, характеризовавших так называемый „символически-агглютинативный“ общекартвельский языковой тип, выразившейся в выравнивании словоформ с альтернирующими гласными и в парадигматической унификации глагольных и именных основ, получило свое более строгое обоснование раннее высказывавшееся в науке мнение о постепенном возрастании в контролируемой истории картвельских языков удельного веса элементов агглютинативного строя. Можно сказать, что вообще по целой совокупности дифференциальных признаков структурно-типологического плана древнейшее общекартвельское состояние весьма существенно отличается от позднейшего. Если первое находит свою ближайшую типологическую параллель в языках Северо-Западного Кавказа, то последнее обнаруживает не менее очевидные точки соприкосновения со строем индоевропейских языков. Так результаты реконструкции морфонологических отношений для позднего общекартвельского состояния (класс сонантов, модели аблauta, фонологическая структура корня) поставили науку перед интересной картиной далеко идущего структурного параллелизма между соответствующими системами картвельских и индоевропейских языков. Сопостав-

ление материала приводит Т. В. Гамкелидзе и его соавтора к заключению об изоморфности поздней общекартвельской морфонологической системы общеиндоевропейской (как она представлена в работах Э. Бенвениста). Естественно, что этот изоморфизм ставит ряд новых вопросов об отношении картвельских языков к индоевропейским. В частности, „отнесение картвельского и индоевропейского языков к общему типологическому классу дает основание рассматривать эти языки как члены некоего общего языкового союза в рамках евразийской группы языков“ ([3, с. 474]; ср. [8]). Подчеркивая особый интерес этого важного вывода для индоевропейского языкознания, У. Леман писал в своей рецензии на книгу Т. В. Гамкелидзе и Г. И. Мачавариани, что „если индоевропейский имел тесные контакты с пракартвельским, то мы обретаем разительное свидетельство в пользу прародины индоевропейцев (в древней Передней Азии к югу от Закавказья – Г. К.) со стороны более фундаментального компонента лингвистической структуры, чем словарь“, и указывал, что это лингвистическое свидетельство совпадает с выводами, к которым в недавнее время пришла археология [9, с. 406].

Если становление далеко идущих структурно-типологических совпадений между картвельскими и индоевропейскими языками обусловлено древними ареальными контактами их носителей, то должен быть понятен интерес Т. В. Гамкелидзе к выявлению в картвельских языках и лексических индоевропеизмов. В фундаментальном труде, созданном им позднее в соавторстве с Вяч. Вс. Ивановым [10, с. 877-879], содержится опыт обобщения известного науке к началу 80-х годов материала этого рода, а также предлагается несколько новых соположений. На стр. 904-909 этой же монографии обращает на себя внимание раздел, посвященный сопоставлению группы греческих лексем неясного происхождения (нередко трактующихся в индоевропеистической литературе в качестве ингредиентов так называемого догреческого слоя) с их аналогами в картвельском корнеслове, по-видимому, свидетельствующих о достаточно ранних греко-картвельских контактах, отраженных, в частности, в известном греческом мифе об аргонавтах. Продолжающиеся в настоящее время исследования, характеризующиеся дальнейшим приростом материала, подтверждают перспективность поисков новых индоевропейско-картвельских лексических параллелизмов ареальной природы.

В свете знаний современной науки наиболее общие пространственно-

временные параметры древней истории картвельских языков выглядят в изложении Т. В. Гамкелидзе следующим образом: „Общекартвельский (южнокавказский) язык следует датировать периодом IV-III тысячелетий до н. э. Дифференциация общекартвельского языка относится по глоттохронологическим данным к самому началу II тысячелетия до н. э. (а, возможно, и значительно ранее), когда из него выделяется сванский язык и общекартвельский распадается на два обособленных ареала – сванский и грузинско-занский, с последующим делением этого последнего на собственно грузинский и занский (или колхский) языки... Общекартвельский язык перед его распадом можно локализовать, судя по археологическим, лексическим и топонимическим данным, в горных местностях западной и центральной части Малого Кавказа... Сванский язык был постепенно оттеснен к северу, к хребтам Большого Кавказа следующей миграционной волной, последовавшей примерно девятью столетиями позже... Диалекты общекартвельского языка, оставшиеся в пределах Западного Малого Кавказа – этого древнейшего очага картвельских племен, легли в основу грузинского языка, носители которого уже в историческую эпоху распространились в западном направлении, наслонившись на определенной территории на носителей колхского языка, что вызвало разделение его на два самостоятельных диалекта и образование в дальнейшем мегрельского и чанского (лазского) языков, а также в северном и северо-восточном направлениях, оттеснив распространенные здесь языки восточнокавказского типа“ [10, с. 880-881].

Среди синхронных картвелистических исследований Т. В. Гамкелидзе необходимо упомянуть статью, в которой обсуждаются некоторые общие принципы организации грузинского глагола, а также более крупную работу о закономерностях фонологической синтагматики в мегрельском. В первой из них [7, с. 33-43] автор эксплицирует понятия глагольной валентности (как синтаксической категории глагола) и глагольной персональности (как его собственно морфологической категории) и устанавливает очевидную асимметрию этих параметров грузинского (resp. картвельского) глагола. Во второй, созданной в соавторстве с Т. Е. Гудава [12], было продолжено исследование в направлении, начатом в свое время известными работами Г. С. Ахвледiani. Здесь на основании детального дистрибутивного анализа фонологической структуры консонантных групп в мегрельском выявлены основные правила сочетаемости согласных как в пределах единой морфемы, так и на морфемных швах, и предложена их бинарная клас-

сификация на канонические и неканонические. Здесь же охарактеризованы основные синхронно протекающие процессы преобразования таких групп в условиях взаимодействия основы со словоизменительными аффиксами (в частности, при присоединении падежных показателей имени и личных показателей глагола) и определены правила фонетического освоения консонантных групп, содержащихся в мегрельских словарных заимствованиях из грузинского.

В обсуждении проблемы генетических взаимоотношений картвельских и северокавказских (абхазско-адыгских и нахско-дагестанских) языков Т. В. Гамкелидзе последовательно придерживается строгих принципов, сформулированных классической компаративистикой. Подчеркивая, что структурно-типологические параллелизмы между языками, насколько бы далеко они ни заходили, нерелевантны для решения проблем генетического порядка, он настаивает на необходимости применения кавказоведами испытанной временем процедурой поиска закономерных соотношений в их материале. В одной из своих работ автор пишет: „Если бы между картвельскими и северо-кавказскими языками прослеживалась общность закономерного характера (т. е. не являющаяся результатом случайных совпадений или заимствования) в субстанции значимых элементов – корневых и аффиксальных морфем – то они бы с необходимостью проявились в наличии регулярных звуковых (фонемных) соответствий между картвельскими и северокавказскими языками. Поскольку такого рода фонемные соответствия между отдельными группами кавказских языков не выявлены..., утверждения о существовании между ними „материальной общности морфем“ носят во всяком случае преждевременный характер“ [13, с. 44]. Очевидное отсутствие на сегодняшний день почвы для сколько-нибудь убедительного обоснования иберийско-кавказской гипотезы приводит его к осторожному заключению, что „так называемые иберийско-кавказские языки включают по крайней мере три в структурно-типологическом и генетическом отношениях вполне детерминированные звуковые группы. Это – южнокавказская группа, или картвельские языки, северо-западная группа, или абхазско-адыгские языки, и северо-восточная группа, или нахско-дагестанские языки“ [1, с. 29]; также [14, с. 1011].

Исходя из такого положения вещей, Т. В. Гамкелидзе обращает внимание на серьезный методический просчет предшествовавшей научной парадигмы сравнительного картвельского языкознания, стремившейся к истолкованию истории картвельских языков с ориентацией на грам-

матическую структуру, засвидетельствованную в современных абхазско-адыгских или нахско-дагестанских языках. „Положение о генетической общности „иберийско-кавказских языков“ и обусловленная им направленность сравнительных штудий картвельских языков на установление этого родства, – читаем в одной из его работ, – привели к тому, что с вопросов внутреннего сравнения картвельских языков внимание было перенесено на их внешнее сравнение и сопоставление с северо-кавказскими языками – со всеми вытекающими отсюда методологическими последствиями“ [1, с. 27].

Наконец, еще одно направление картвелистических исследований Т. В. Гамкрелидзе составляет изучение проблемы происхождения грузинской письменности. В недавно опубликованной работе [15] древнегрузинское заглавное письмо „Асомтаврули“ включено им на основании набора структурных признаков (а также с учетом характерной для него функции обслуживать местную культуру христианской ориентации) в единую типологическую группу вместе с коптской, готской, древнеармянской и старославянской письменностями как базирующимися на общем для них историческом прототипе – греческой системе письма. При этом автором отмечается реализованный в древнегрузинской письменности принцип парадигматической зависимости от прототипа, отражающийся, в частности, в последовательности обозначений определенных фонем и в характере закрепленных за графемами числовых значений, особенно сближающий ее с коптской и готской алфавитными системами.

Ограничения объема настоящей статьи не позволяют, к сожалению, остановиться здесь на множестве частных наблюдений и соображений Т. В. Гамкрелидзе, касающихся самых различных вопросов структуры и истории картвельских языков, которые щедро рассыпаны в его всегда насыщенных материалом и стимулирующих научную мысль работах.

Литература

1. Гамкрелидзе Т. В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. 1 // ВЯ. 1971, № 2.
2. Гамкрелидзе Т. В. Дезаффрикатизация в сванском. „Правила переписывания“ в диахронической фонологии. Тбилиси, 1968, с. 39 (на груз. и русск. яз.).

3. Гамкелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблaut в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. и русск. яз.).
4. *Gamkrelidze Th. V.* A typology of Common Kartvelian // Language. 1966. V. 42, № 1.
5. Церетели Г. В. О теории сонантов и аблautа в картвельских языках // Гамкелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблaut в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965.
6. Гамкелидзе Т. В. Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
7. Гамкелидзе Т. В. „Валентность“ и „персональность“ глагола // Лингвистический Сборник. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
8. *Gamkrelidze Th. V.* Kartvelian and Indo-European: A typological comparison of reconstructed linguistic systems // To honour Roman Jakobson. I. The Hague – Paris, 1967.
9. *Lehmann W. P.* // Language. 1968. V. 44. № 2. P. 406. Rev.: Gamkrelidze Th. V. and Machavariani G. I. The system of sonants and ablaut in Kartvelian languages: a typology of common Kartvelian structure / With a preface by Tseretheli George V. Tbilisi, 1965.
10. Гамкелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. С предисловием Р.О. Якобсона, ч. I-II, Тбилиси, 1984.
11. Клинов Г. А. Об ареальной конфигурации протоиндоевропейского в свете данных картвельских языков // ВДИ, 1986, N 3.
12. Гудава Т. Е., Гамкелидзе Т. В. Комплексы согласных в мегрельском // Акакио Шанидзе, Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
13. Гамкелидзе Т. В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. 2 // ВЯ. 1971, N 3, с. 44.
14. *Gamkrelidze Th. V.* (in part). Caucasian languages // Encyclopaedia Britannica. 15th ed., L., 1974. P. 1011.
15. Гамкелидзе Т. В. Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность. Тбилиси, 1989 (на груз. и русск. яз.).

